

Посвящается Энтони

ОСЕНЬ 1558 ГОДА

Все колокола Норфолка звонили в честь Елизаветы, и Эми казалось, будто их языки ударяют ей прямо в голову. Дискантовый даже вскрикивал, как безумная женщина, и его отчаянный вопль нестройно подхватывали другие. Наконец их стенания перекрывались басом большого колокола. Казалось, он предостерегал всю эту свору, но ненадолго. Едва его голос начинал затихать, малые и средние колокола тут же исторгали новые вопли. Эми крепко прижала к голове подушку, но та лишь делала звон чуть потише. Неистовство колоколов выгнало из гнезд грачей, которые заметались в небе предвестниками скорых несчастий. Столбом черного дыма взвились над колокольней летучие мыши. Они тоже будто спешили возвестить, что мир перевернулся с ног на голову и теперь вместо дневного света наступит вечная ночь.

Эми никого не расспрашивала. Она и так знала, из-за чего поднялась вся эта шумиха. Точнее, из-за кого. Несчастливая, больная королева Мария наконец-то умерла, и единственной наследницей, не имеющей соперников, стала принцесса Елизавета. Хвала Небесам. Вся Англия должна возрадоваться. Принцесса-протестантка взойдет на престол и станет английской королевой. По всей стране народ от радости будет звонить в колокола, выкатывать из подвалов бочки с элем, плясать на улицах и настезь распахивать двери тюрем. Наконец-то англичане получили свою Елизавету. Теперь можно забыть дни правления Марии Тюдор, густо пропитанные страхом. Все жители Англии праздновали это событие.

Все, кроме Эми.

Колокольный перезвон, столь бесцеремонно разбудивший Эми, не принес ей радости. Во всей Англии, пожалуй, она одна не ликовала и не праздновала стремительное восшествие, даже вскакивание Елизаветы на престол. В пении колоколов она не слышала стройности. Каждый их удар отзывался в ней встречной волной ревности, вспышкой ярости, рыдающим криком покинутой женщины.

— Да покарает ее Господь смертью, — дерзко шептала в подушку Эми, голова которой раскалывалась от звона колоколов, воспевающих Елизавету. — Да поразит в молодости за гордыню и лишит красоты. Господи, сделай так, чтобы лицо ее подурнело, волосы поредели, зубы сгнили. Пусть она умрет в одиночестве. Да, в одиночестве, как...

За все это время Эми не получила от уехавшего мужа ни одной весточки. Впрочем, она их и не ждала. Прошел еще один день. Неделя, как его нет. Едва узнав о смерти королевы Марии, он, конечно же, сломя голову понесся из Лондона в Хатфилдский дворец. Он мечтал стать первым, кто преклонит колени перед принцессой, сообщит ей, что отныне она — королева, и, наверное, стал таковым.

У Елизаветы наверняка уже и речь заготовлена. Бывшая принцесса упражнялась в ее произнесении точно так же, как фехтовальщик в выпадах. Роберта за это ждет щедрое вознаграждение. Возможно, сейчас он, наравне с Елизаветой, тоже упивается своим восхождением к величию. Эми шла к реке, чтобы собрать коров на дойку. Парень, что ходил за скотиной, заболел, а в Стэнфилд-холле — так называлась семейная ферма ее мачехи — рук не хватало. По пути Эми остановилась возле дуба. Ветер, словно поземку, кружил побуревшие листья и гнал их на юго-запад, в сторону Хатфилда, где до недавнего времени томилась Елизавета. Туда же, подобно ветру, улетел и муж Эми.

Казалось бы, ей нужно только наслаждаться ситуацией. На престол взшла королева, благоволящая к ее супругу. Эми следовало бы радоваться вдвойне, ибо вместе с возвышением Роберта начнет возрастать положение и благополучие ее семьи.

А разве не повод для удовольствия, что она снова станет леди Дадли, получит отнятые земли, место при дворе и, быть может, даже сделается графиней?

Однако Эми не радовалась. Она предпочла бы видеть мужа обвиненным в предательстве, но рядом с собою как в тяготах дня, так и в теплой тишине ночи. Что угодно, но только не знать, что он, такой красивый и обаятельный, стал фаворитом другой женщины. Эми понимала, что она рассуждает как ревнивая жена, а ревность в глазах Господа есть грех.

Понуриив голову, она медленно двинулась в сторону лугов, где коровы щипали скудную траву, вздымая неуклюжими копытами землю и камни.

— Как у нас дошло до всего этого? — шептала Эми, обращаясь к нагромождениям облаков, застлавших небо над Норфолком. — Ведь я люблю его до беспамятства, а он — меня. Для нас никого не существовало, только мы вдвоем. Как же он мог оставить меня страдать в этой глуши и помчаться к ней? У нас было такое блистательное начало, и чем все обернулось? Тяготами и моим одиночеством?

ГОДОМ РАНЬШЕ: ЛЕТО 1557 ГОДА

Он вновь увидел во сне пустую комнату: пол из неструганных досок, большой очаг, обрамленный песчаником, на поверхности которого они вырезали свои имена, и окно со свинцовыми переплетами, тянущееся от пола до потолка. Подтащив к окну узкий и длинный обеденный стол, пятеро молодых людей влезли на него и посмотрели вниз, вытянув шеи. Там по ступеням эшафота медленно поднимался их отец.

Его сопровождал священник католической церкви, недавно восстановленной в правах. Отец покаялся в грехах и публично отрекся от своих убеждений. Он умолял о пощаде, рабски извинялся, в обмен на шанс быть помилованным отринул всю верность прежним убеждениям. Сейчас отец беспокойно оглядывал небольшую толпу собравшихся. Он всматривался в лица, надеясь, что в финале данного действия, похожего на спектакль, ему даруют прощение.

У него были все основания рассчитывать на это. Новая королева принадлежала к династии Тюдор, а те знали силу подобных спектаклей. Набожная католичка, конечно же, не отвергнет сокрушенное сердце раскаявшегося грешника. Но более всего она была женщиной, мягкосердечной и тупоголовой. Ей не хватит духа казнить столь великого человека, как недостава-ло и решимости настаивать на своем.

«Поднимись, отец, — мысленно умолял его Роберт. — Весть о помиловании вот-вот подоспеет. Негоже так унижаться, вытрашивая его».

За их спинами открылась дверь, и в комнату ввалился тюремщик.

Увидев, как пятеро юношей стоят на столе, щурясь от яркого летнего солнца и прикрывая ладонями глаза, он грубо расхохотался:

— Только не вздумайте выскочить из окна. Нельзя, чтобы из-за таких худосочных мальчишек, как вы, палач остался без заработка. Следом настанет ваш черед, а потом и той красоты.

— Я запомню тебя, — пообещал Роберт. — Позже, когда нас помилуют и выпустят отсюда, ты ответишь за эти слова.

Тюремщик проверил толстые решетки на окнах, убедился, что узникам нечем разбить стекла, и, продолжая хохотать, вышел и запер дверь снаружи.

А внизу, на эшафоте, священник подошел к осужденному и стал читать ему молитвы из латинской Библии. Богатые одежды клирика, раздуваемые ветром, показались Роберту парусами вторгающейся армады кораблей. Потом священник резко прервал чтение, протянул осужденному распятие для поцелуя и отступил.

Роберту вдруг стало холодно. Оконное стекло, в которое он упирался ладонями и лбом, сделалось ледяным. Все тепло его тела будто бы неумолимо поглощалось действием, разворачивающимся внизу. Отец смиренно встал на колени перед плахой. Подошедший палач завязал ему глаза и что-то сказал. Отец повернул голову, чтобы ответить, и от этого простого движения потерял ориентацию. Он убрал руки с плахи и не смог найти ее, вытягивал руки, ощущывая пространство, как слепец. Палач потянулся за топором, а когда повернулся снова, узник отчаянно шарил перед собой, готовый вот-вот рухнуть на пол эшафота.

Лицо палача скрывал капюшон, но чувствовалось, что он встревожен и рассержен. Человек с топором закричал на отца, а тот стал срывать повязку и тоже вопить, что не готов. Раз он не смог ощупью найти плаху, казнь надо отложить.

— Успокойся! — заорал отцу Роберт, барабанил по толстому оконному стеклу. — Отец, успокойся! Ради бога, успокойся!

— погоди! — кричал внизу его отец, обращаясь к палачу. — Я не могу найти плаху! Я не готов! Не готов! погоди! погоди!

Отец ползал по соломе, устилавшей эшафот. Одной рукой он пытался нащупать плаху, другой срывал с глаз тугую повязку.

— *Не подходи ко мне! Она меня помилует! Я не готов! — кричал он.*

Бедняга продолжал кричать, когда палач взмахнул топором, и лезвие рубануло по шее приговоренного. Брызнула кровь. Ударом отца отбросило в сторону.

— *Отец! — закричал Роберт. — Отец мой!*

Из раны хлестала кровь, но несчастный продолжал извиваться на соломе, словно умирающая свинья. Он еще пытался встать, однако ноги, обутые в башмаки, его не слушались. Немеющие руки еще шарили в поисках плахи. Палач, проклиная собственную нерасторопность, снова взмахнул громадным топором.

— *Отец! — в ужасе завопил Роберт, видя, как лезвие опустилось. — Мой отец!*

— Роберт! Господин мой!

Чья-то рука осторожно трясла его за плечо. Он открыл глаза и увидел перед собой Эми. Ее каштановые волосы были заплетены в косу, что она всегда делала перед сном, а карие глаза широко распахнуты. Пламя свечи, освещавшей спальню, делало их еще больше.

— Боже милостивый, — пробормотал Роберт. — Какой кошмар. Упаси меня от повторения. Боже, умоляю тебя!

— Снова тот сон? — спросила она. — Про казнь твоего отца?

Ему становилось не по себе при одном упоминании об этом.

— Просто сон, — торопливо проговорил Роберт, пытаясь взять себя в руки. — Страшный кошмар, и не более того.

— Ты опять видел его? — продолжала допытываться Эми.

— Ничего удивительного, что он мне снится. — Роберт пожал плечами. — Слушай, у нас есть эль?

Эми вскочила с постели и накинула на плечи халат. Повторившийся кошмарный сон она расценила по-своему.

— Это знамение, — убежденно сказала жена, наливая мужу кружку эля. — Тебе подогреть?

— И холодным выпью.

Эми подала ему кружку. Роберт залпом выпил почти весь эль. Остывающий ночной пот охлаждал ему голую спину. Недавно пережитый ужас теперь вызывал у него стыд.

— Это предупреждение, — сказала Эми.

Роберт попытался беззаботно улыбнуться, однако ужас, пережитый им в минуту отцовской казни, и все последующие невзгоды, обрушившиеся на него с того черного дня, не спрячешь за натянутой улыбкой.

— Будет тебе, — отмахнулся он и допил эль, припав лицом к кружке, чтобы не видеть укоризненного взгляда жены.

— Дурной сон вроде этого всегда несет предостережение. Тебе нельзя плыть с армией короля Филиппа.

— Мы с тобой уже тысячу раз говорили об этом. Я должен отправиться в поход.

— Не сейчас! Не после этого страшного сна. Ведь тебе приснилось не что-то еще, а смерть твоего отца. Разве это не предупреждение? Ты берешь на себя непосильную ношу. Достаточно того, что твой отец умер смертью изменника, попытавшись возвести сына на английский престол. Не позволяй гордости управлять тобою.

— Дело тут не в гордости, — возразил Роберт, пытаясь улыбнуться. — Сейчас я могу рассчитывать лишь на младшего брата да на моего коня. Мне не набрать и батальона, готового идти за мной.

— Твой отец из могилы шлет тебе предостережение.

— Эми, мне слишком больно слышать об этом. — Роберт устало покачал головой. — Не упоминай о моем отце. Ты ведь даже не знаешь, каким он был. Отец только обрадовался бы моим замыслам восстановить права рода Дадли. Ему бы и в голову не пришло отговаривать меня. Он всегда хотел, чтобы наш род возвысился. Эми, любовь моя, будь мне хорошей женой. Отец не отговаривал бы меня, ты тоже не делай этого.

— А ты будь мне хорошим мужем, — ответила Эми. — Не оставляй меня. Куда мне деваться, когда ты уплывешь в Нидерланды? Что станет со мною?

— Мы ведь условились, что ты отправишься в Чичестер, к Филипсам, — ответил Роберт, чувствуя, как возвращается

к нему уверенность. — А если кампания затянется и я не сумею вернуться пораньше, ты поедешь в Стэнфилд-холл, к своей мачехе.

— Я хочу вернуться в Сайдерстоун, в собственный дом, где мы жили бы вместе, — сказала она. — Я желаю всегда оставаться с тобой как твоя жена.

Даже сейчас, после двух лет позора, ему приходилось проявлять твердость, отказывая ей.

— Ты же знаешь, что королевская власть отобрала у вас Сайдерстоун. У нас нет денег. Это тебе тоже известно. Твоя мечта недостижима.

— Но мы могли бы попросить мою мачеху, и она взяла бы нам Сайдерстоун у короны в аренду, — упрямо возразила Эми. — Мы работали бы на земле. Ты знаешь, что я умею это делать и не боюсь упорного труда. Он принесет свои плоды, и мы поднимемся. А что тебе даст участие в аванюре на стороне чужого короля? Ты готов рисковать жизнью во имя туманных обещаний?

— Да, Эми, работать ты умеешь, — согласился Роберт. — Я знаю, ты вставала бы затемно и встречала бы рассвет в поле. Но я не хочу, чтобы моя жена гнула спину, словно крестьянка. Я родился для более значительных дел и обещал твоему отцу, что у тебя будет достойная жизнь. Мне мало иметь полдюжины акров земли и корову. Я хочу владеть половиной Англии.

— Люди подумают, что ты устал от меня, потому и уехал, — укоризненно сказала Эми. — Это всякому придет в голову. Не успел вернуться, как снова меня оставляешь.

— Я пробыл с тобой целых два года! — воскликнул Роберт, но тут же справился с раздражением. — Эми, прости меня, но я не могу так жить. Эти месяцы показались мне вечностью. Мое имя запятнано обвинением в государственной измене, и потому мне запрещено владеть чем-либо. Я не могу ни производить, ни продавать, ни покупать. Все, что было у моей семьи, корона забрала себе. И собственность твоей семьи тоже! Наследство твоего отца, деньги матери. Из-за меня ты потеряла все. Я обязан вернуть тебе то, что принадлежит нам.

— Я не хочу, чтобы ты возвращал все это такой ценой, — решительно заявила Эми. — Я постоянно слышу от тебя, что ты делаешь это для нас, но хочу совсем не этого. Мне нужно другое. Я желаю жить с тобой под одной крышей. Меня не тяготит, что у нас ничего нет, не угнетает мысль о том, что нам придется оставаться с моей мачехой и уповать на ее щедрость. Я смирюсь с чем угодно, лишь бы ты был рядом со мной и тебе больше не грозила бы опасность.

— Эми, я не могу зависеть от настроения твоей мачехи. Это все равно что каждый день ходить в тесных башмаках, которые стискивают тебе ноги. Когда ты выходила за меня, я был сыном самого великого человека во всей Англии. У нас с ним был общий замысел: возвести на престол моего брата, а Джейн Грей сделать королевой. Нам оставались считанные дюймы до осуществления этого замысла. Я стал бы членом английской королевской фамилии, ждал этого, сражался, был готов отдать жизнь, чтобы наши замыслы исполнились. А почему бы нет? Наши притязания на трон не менее обоснованны, чем у Тюдоров, только они успели опередить нас на три поколения. Следующей королевской фамилией Англии могли бы стать Дадли, невзирая на то что мы потерпели неудачу, были разбиты...

— И унижены, — тихо добавила она.

— Верно, унижены и растоптаны в пыль, — согласился Роберт. — Но никто не в силах отнять у меня принадлежность к роду Дадли. Я родился для величия и обязан вернуть себе отнятые права. Мое призвание — служение своей семье и стране. Муж-фермер, копошащийся на сотне акров? Зачем тебе такой? Я хочу, чтобы мы жили во дворце, а не в жалком фермерском доме с закопченным потолком.

— Роберт, за все эти годы ты не слышал от меня ни единого упрека, — напомнила Эми. — Ты спросил, зачем мне такой муж. Как раз он-то мне и нужен. Скромный фермер, у которого сотня акров земли, делает Англию более приятным и пригодным для жизни местом. Мне это милее, чем интриги любого придворного, заботящегося только о собственной власти при дворе.

Он с трудом удержался от смеха и заявил:

— Возможно, тебе и милее. Но я никогда не мечтал о жизни скромного фермера. Ни поражение, ни даже страх смерти не сделали бы меня таковым. Я родился от великого, даже величайшего отца, воспитывался вместе с королевскими детьми как равный им. Фермерство среди вечно сырых полей Норфолка? Да это меня погубит хуже любой войны. Я должен счистить всю грязь, которой обливали мое имя. Я хочу быть замеченным королем Филиппом, добиться, чтобы королева Мария восстановила меня в правах. Я должен возвыситься.

— А если тебя убьют в сражении, что тогда?

На мгновение Роберт оторопел, но тут же сказал:

— Дорогая, твои слова равносильны проклятию. Это наша последняя ночь перед разлукой. Что бы ты ни говорила, завтра я все равно отплываю. Если ты меня и впрямь любишь, то не станешь желать мне несчастий.

— Но ты видел сон! — Эми забрала у мужа пустую кружку, потом взяла его руку в свою и заговорила так, словно наставляла малого ребенка: — Господин мой, я тебя только предостерегаю. Я бы слова не сказала, если бы не этот сон. Он приснился не случайно. Тебе нельзя ехать.

— А я все равно поеду, — отрезал Роберт. — Лучше уж погибнуть и смертью вернуть себе доброе имя, чем прозябать в Англии, где правит Мария. Здесь на меня смотрят как на полное ничтожество без роду и племени.

— Ты предпочел бы Англию, где правит Елизавета? — не столько прошептала, сколько прошипела Эми.

— Всенепременно, — с чувством ответил Роберт.

Эми молча выпустила его руку, задула свечу и повернулась к нему спиной, повыше натянув одеяло. Сон не шел ни к кому из них, и они оба лежали с открытыми глазами, устремленными в темноту.

— Этому никогда не бывать, — тихо сказала Эми. — Елизавета не увидит трона. Королева в силах зачать другого ребенка. Филипп Испанский мечтает о сыне. У них родится мальчик, который станет императором Испании и королем Англии.

А Елизавета так и будет киснуть в принцессах, на которую никто не польстится. Потом ее выдадут за какого-нибудь чужеземного принца, спровадят с глаз долой и забудут.

— Или же будут помнить долго, — отозвался Роберт. — Мария ведь может умереть и бездетной. Тогда моя принцесса станет королевой Англии и уж точно меня не забудет.

Утром Эми не хотелось разговаривать с мужем. Они молча позавтракали в общем зале постоянного двора, после чего Эми отправилась наверх, дабы увязать последний тюк с одеждой, которую Роберт брал в поход. Муж крикнул ей, что будет ждать ее на пристани, вышел с постоянного двора и сразу же попал в шумное бурление улиц.

В Дувре — городишке, больше похожем на деревню, — царил неописуемый хаос, вызванный отплытием в Нидерланды военной экспедиции испанского короля Филиппа. Что только не продавали на улицах и улочках, прилегающих к пристани! Торговцы надрывали глотки, расхваливая снедь и иные товары, весьма нужные в военном походе. В общем гуле слышались пронзительные голоса знахарок, убеждавших отплывающих солдат обзавестись амулетами и заклинаниями. Тут же сновали разносчики, предлагая в качестве прощальных подарков разные безделушки. Прямо на улице трудились цирюльники и зубодеры. Многие солдаты, опасаясь вшей, обривали не только бороды, но и головы, почти наголо. Двое священников поставили свои исповедальные будочки для тех, кто боялся отправляться на смерть, не покаявшись в грехах и не очистив совесть. Их не смущало близкое соседство с многочисленными шлюхами. Хрипло посмеиваясь, те обещали солдатам все виды быстрых наслаждений на дорожку.

На пристани толпились женщины, пришедшие проститься с мужьями и возлюбленными. На кораблях шла беспрестанная погрузка. Люди поднимали на борт пушки и телеги, загоняли упирающихся лошадей, не желавших идти вверх по сходням. Отчаянно ругаясь, грузчики подталкивали испуганных животных сзади, а конюхи тянули их спереди.

Выйдя с постоянного двора, Роберт не успел пройти и нескольких шагов, как его схватил за руку подбежавший младший брат.

— Генри! Рад тебя видеть! — крикнул Роберт, крепко обнимая девятнадцатилетнего юношу. — А я все думал, как же мы с тобой встретимся в этой суетоке? Вообще-то, я ждал, что ты появишься минувшим вечером.

— Амброс меня задержал. Потребовал, чтобы мою лошадь заново подковали. А без этого и отпускать не хотел. Ты же его знаешь. У него в характере появилась властность. Одно слово — старший брат. Мне пришлось клятвенно пообещать ему, что в опасные места соваться не буду и тебя не пущу.

— Желаю тебе сдержать обещание. — Роберт засмеялся.

— Я приехал утром и сразу стал везде высматривать тебя.

Генри отошел на шаг и внимательно оглядел своего среднего брата. Роберт был всего на четыре года старше. В нем сохранилось прежнее обаяние, однако годы страданий и лишения безжалостно содрали весь лоск богатой, избалованной юности. Худощавый и подвижный Роберт производил впечатление человека, который мог заставить считаться с собой. Он улыбнулся Генри, и вся суровость на его лице растаяла, превратившись в теплую улыбку любящего, заботливого брата.

— Боже милосердный, как же я рад тебя видеть, парень! А какое славное приключение нам предстоит!

— Двор уже здесь, — сообщил Генри. — Король Филипп находится на борту своего корабля. Там же и королева с принцессой.

— Что? Елизавета здесь? Ты с ней говорил?

— Новый корабль называется «Филипп и Мария», — продолжал Генри, не отвечая на вопрос брата. — Вид у королевы совсем угрюмый.

— А Елизавета? Весела не в пример сестрице? — смеясь, спросил Роберт.

— Внешне этого не показывает, но рада-радешенька досадить Марии, — с воодушевлением ответил Генри. — Слушай, а это правда, что она любовница короля Филиппа?

— Вранье, — ответил Роберт Дадли, знавший характер подруги своего детства. — В отличие от Марии Елизавета умна и заставляет короля Филиппа плясать под свою дудку. Она может флиртовать с королем, но ей от Филиппа нужна только гарантия собственной безопасности. Если бы не благоволение короля, завтра половина Тайного совета велела бы казнить ее. Елизавета не дурочка, которой можно вскружить голову любовью. Думаю, король не скоро сообразит, что она никогда не окажется в его постели. Я восхищаюсь ею. Буду просто счастливым, если перед отплытием сумею с ней повидаться.

— Она всегда была к тебе равнодушна. — Генри усмехнулся. — Уж не желаешь ли ты затмить самого короля?

— Не раньше, чем у меня будет что ей предложить, — сказал Роберт. — Елизавета — девица расчетливая, да хранит ее Господь. Скажи, мы можем грузиться?

— Моя лошадь уже на корабле. Я шел за твоим жеребцом.

— Сейчас забери его из здешней конюшни.

Братья прошли через каменную арку и попали на задний двор, где Роберт оставил своего коня.

— Скажи, когда ты видел ее в последний раз? Принцессу? — спросил Генри.

— Когда мы с ней были в сиянии славы. — Роберт печально улыбнулся. — В то далекое Рождество, при дворе. Эдуард терял силы, а наш отец был королем во всем, кроме титула. Принцесса-протестантка, любимая сестра. Что Елизавета, что я — мы оба купались в самодовольстве. Торжествовали скорую победу. Марию мы вообще нигде не видели. Помнишь?

— Смутно, — хмуро признался Генри. — Я тогда еще мал был. И потом, ты же знаешь, я всегда плохо разбирался в том, кто у кого в милости или в опале.

— Пришлось бы научиться, — сухо произнес Роберт. — В нашей семье, какой она была тогда, это считалось обязательным.

— Я только помню, что Елизавету обвинили в государственной измене и заключили в Тауэр. А мы уже находились там.

— Как я радовался, когда узнал, что ее освободили, — признался Роберт. — Елизавете всегда дьявольски везло.

Увидев хозяина, большой черный жеребец радостно заржал.

Роберт подошел, потрепал коня по мягкому влажному носу и сказал:

— Пора в путь, мой милый. Пошли, Первый Шаг.

— Как ты назвал его? — спросил Генри.

— Первый Шаг. Когда нас выпустили из Тауэра, я вернулся к Эми, в дом ее мачехи. Там я узнал, что за время заключения превратился в нищего. Более того, отныне мне даже не позволялось иметь собственную лошадь. Одолжить чужую я тоже не имел права.

Генри присвистнул и заявил:

— А я-то думал, в Стэнфилде гостей принимают с радостью.

— Других, возможно, и принимают. Но только не зятя, которого опозорили и обвинили во всех смертных грехах. Спасибо, голову не отрубили.

— Так что же ты сделал? — спросил младший брат.

— Отправился пешком на ближайшую конскую ярмарку. К счастью, сапоги для верховой езды у меня сохранились. Там я и выиграл этого коня. Его прежний хозяин заклад мне проспорил. Я уж не помню, как его звали до этого. А я дал ему такое имя. Он мой первый шаг к возвращению на мое законное место.

— Значит, поход станет для нас следующим. — Генри обрадовался, как мальчишка.

Роберт кивнул и сказал:

— Если мы войдем в милость короля Филиппа, нас вернут ко двору. Человеку, который сможет удерживать Нидерланды под испанским владычеством, простится все.

— Дадли! Мы из рода Дадли!

Это был их старинный боевой клич, и пока Генри воодушевленно кричал, Роберт молча вывел коня со двора.

Всю дорогу до пристани Первый Шаг пугливо озирался по сторонам. Ласками и уговорами Роберт подвел коня к нуж-

ному месту и поставил позади еще нескольких лошадей, которых предстояло поднять на борт. Первый Шаг раздувал ноздри и перебирал ногами. Водная гладь с легкими волнами действовала на него угнетающе. Когда настал его черед подниматься по сходням, конь, едва ступив на них передними ногами, застыл от страха.

Какой-то грузчик, подойдя сзади, уже поднял руку, намереваясь огреть его хлыстом.

— Не смей бить моего коня! — рявкнул Роберт, перекрывая общий гул.

— А как еще ты загонишь его в трюм? — сердито спросил грузчик.

Роберт молча опустил поводья и пошел по сходням в темное чрево трюма. Первый Шаг тревожно переминался, шевелил ушами и вертел головой, высматривая хозяина. Тогда Роберт свистнул, подзывая коня. Первый Шаг, забыв про все свои страхи, тут же поднялся по сходням.

Отведя коня в стойло, стреножив его и ласково похлопав по спине, Роберт вышел из трюма и увидел на пристани Эми с узлами.

Он спустился на берег, улыбнулся жене, поднес к губам ее маленькую холодную руку и весело сказал:

— Вот мы и погрузились. Полный порядок. Прости!.. — уже тише продолжал Роберт. — Вчерашний сон совсем выбил меня из колеи. Пусть это останется в прошлом. Давай не будем сейчас ссориться и простимся по-дружески.

— Роберт, прошу тебя, останься, — прошептала она, заливаясь слезами, хлынувшими из карих глаз.

— Довольно, Эми. Ты знаешь, что я должен отплыть. Все свое жалованье я буду отсылать тебе. Надеюсь, ты благоразумно распорядишься деньгами и присмотришь ферму, которую мы затем купим. Жена моя, мы должны снова возвыситься, и я очень рассчитываю на твою житейскую мудрость. Это лучшая помощь, которую ты можешь мне оказать.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты же знаешь, я никогда тебя не подводила, и впредь такого не допущу. Просто...

— Королевская барка! — воскликнул Генри.

Все, кто был на пристани, торопливо стаскивали шапки и шляпы, склоняли головы в приветствии.

— Прости нас, — только и сказал Роберт жене, и они с братом поспешили на борт личного корабля короля Филиппа, чтобы получше разглядеть подплывающую барку.

Королева сидела на корме, под навесом, на котором повторялись государственные цвета, тогда как двадцатидвухлетняя принцесса Елизавета, сверкая белыми и зелеными одеждами — то были цвета Тюдоров, — с веселой дерзостью стояла на носу и приветственно махала собравшимся.

Гребцы подогнали барку к самому борту королевского корабля и теперь удерживали ее на одном месте. Братья Дадли, перегнувшись через перила палубы, смотрели вниз. Роберт надеялся, что принцесса его заметит. Долго ждать ему не пришлось.

— Эй, Дадли! — крикнула Елизавета, задирая голову.

Ее звонкий голос перекрыл гул толпы. Елизавета лучезарно улыбнулась Роберту.

— Приветствую вас, принцесса, — официально поздоровался он, наклоня голову, затем взглянул на королеву, которая не узнала его. — Приветствую вас, ваше величество.

Мария холодно подняла руку. Ее шею окутывали нити жемчуга, в ушах сверкали бриллианты, а кашюшон сплошь был расшит изумрудами. Но все это великолепие не могло скрыть печальных глаз королевы, потускневших от горя. Скорбные морщины вокруг рта наводили на мысль, что Мария разучилась улыбаться.

Елизавета сделала пару шагов, взялась за перила барки.

— Роберт, и вы отправляетесь на войну? — спросила она. — Никак решили стать героем?

— Надеюсь! — крикнул он в ответ. — Готов послужить королеве во владениях ее мужа и вернуть себе ее благорасположение.

— Уверена, что у королевы не будет более верного солдата, чем вы! — Елизавета так и стреляла в него глазами и почти открыто смеялась над Марией.

— И более прекрасной подданной, чем вы, — подхватил Роберт.

Елизавета изо всех сил сдерживалась от хохота. Роберт видел, каких усилий ей это стоило.

— Как поживаете, принцесса? — уже не столь громко спросил он.

Этот невинный, вполне официальный вопрос таил в себе сразу несколько других, уже не продиктованных светской любезностью, обращенных к спутнице своих детских игр, которую он не привык называть на «вы». «Как твое здоровье?» — спрашивал Роберт, зная, что от испуга у Елизаветы начиналась водянка. Ее пальцы и ступни распухали, вынуждая принцессу лежать в постели. «В безопасности ли ты?» — так звучал другой его вопрос. Находиться вблизи трона Марии так же приятно, как стоять возле плахи, а король Филипп — ее единственный союзник в Тайном совете — покидал Англию. Наконец, третий, самый главный и потаенный вопрос был таким: «Ждешь ли ты, как и я, наступления лучших времен и молишься ли, чтобы они наступили как можно раньше?»

— Благодарю, Роберт. Я прекрасно поживаю. Как всегда. Неизменно. А вы?

— Я тоже. Неизменно, — ответил он, глядя на нее с высоты палубы.

Другие слова им и не требовались.

— Да благословит и хранит вас Бог, Роберт Дадли, — сказала Елизавета.

— И вас, принцесса, — отозвался Роберт, мысленно добавив: «И да ускорит Он твое возвращение к величию и власти, чтобы через тебя и я занял подобающее место при дворе».

Судя по дерзкому, почти наглому блеску ее глаз, Роберт понял, что она прочитала его мысли. Каждый из них всегда точно знал, о чем думает другой.

ЗИМА 1558 ГОДА

Всего через полгода после торжественного отплытия из Дувра Эми, сопровождаемая своей подругой Лиззи Оддингсвелл, стояла на пристани Грейвсенда и смотрела на корабли, входившие в гавань. Они двигались тяжело, словно хромали. Куда только делся их горделивый вид! Дырявые паруса, обугленные перила. На палубах лежали раненые солдаты вперемешку с их убитыми товарищами, а живые и здоровые стояли с понуро опущенной головой, стыдясь проигранной кампании.

Корабль Роберта пристал самым последним. Эми прождала целых три часа, все более проникаясь уверенностью в том, что уже не увидит мужа живым. Но по прошествии этих долгих трех часов небольшое судно, на котором он плыл, нехотя заняло свое место у причальной стенки.

Поднеся к глазам ладонь, чтобы не мешало солнце, Эми вглядывалась в людей, стоявших на палубе. Она очень боялась этого момента, зная, что он неминуемо настанет. Женщина не плакала и даже не всхлипывала, а с предельным вниманием обводила глазами палубу, забитую людьми, ища Роберта. Эми понимала: если она не увидит мужа, значит он либо в плену, либо мертв.

Но потом она его заметила. Роберт стоял возле грот-мачты. Судя по позе, он не бросился к перилам, когда вдали замаячил английский берег, да и сейчас не торопился к сходням, чтобы сбегать по ним и обнять жену. Рядом с Робертом стояли двое мужчин — явно не солдаты — и женщина с темноволосым младенцем, которого она прижимала не к груди, а к животу. Генри рядом с ними не было.

СОДЕРЖАНИЕ

Осень 1558 года	7
Годом раньше: лето 1557 года	10
Зима 1558 года	24
Лето 1558 года	32
Осень 1558 года	38
Зима 1558/59 года	45
Весна 1559 года	136
Лето 1559 года	219
Осень 1559 года	307
Зима 1559/60 года	348
Весна 1560 года	386
Лето 1560 года	436
От автора	571

Грегори Ф.

Г 79 Любовник королевы : Роман о Елизавете Тюдор / Филиппа Грегори ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — (Великие женщины в истории).

ISBN 978-5-389-19922-4

Осенью 1558 года все колокола Англии звонят в честь восшествия на престол Елизаветы Тюдор — королевы, для которой долг перед своим народом превыше всего. Но триумф Елизаветы оказался недолговечным. Для того чтобы удержать власть в разоренной и пораженной коррупцией стране, ей необходимо выйти замуж за сильного принца, который будет править железной рукой. Однако единственный человек, которого страстно желает Елизавета, — это ее друг детства Роберт Дадли. И влюбленная королева предоставляет ему неограниченные полномочия. Получив власть, сэр Роберт намеревается воплотить в жизнь свою давнюю мечту — жениться на Елизавете и сесть рядом с ней на троне Тюдоров. А для этого нужно сделать всего лишь один шаг: избавиться от любящей его жены...

Филиппа Грегори — одна из самых популярных современных английских писательниц. Ее блистательные исторические романы об английских королях и королевах переведены на многие языки, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и успешно экранизирован с Натали Портман и Скарлетт Йоханссон в главных ролях.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

ЛЮБОВНИК КОРОЛЕВЫ
РОМАН О ЕЛИЗАВЕТЕ ТЮДОР

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.07.2021. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

H-GWH-28693-01-R